

СВЕТЛАНА
ЕРЕМЕЕВА

С Е М Ь
С У В Е Н И Р О В

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е70

Еремеева, Светлана.

Е70 Семь сувениров / Светлана Еремеева. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (О маньяках-гениях. Психологический триллер).

ISBN 978-5-04-191843-9

Известный писатель Вениамин Волков оставил после себя роман о ленинградском серийной убийце 80-х годов. Автор присутствовал на допросах задержанного и подробно описал каждое из семи совершенных убийств, рассказал о переживаниях, которые испытывал маньяк во время кровавых преступлений. Особенно цинично выглядела история о «сувенирах», которые убийца брал у каждой своей жертвы... Режиссер-документалист Николай Краснов готовит фильм о Волкове. В поисках эксклюзивного материала он сближается с дочерью покойного. Но вскоре понимает, что та чего-то не договаривает. Вместо этого женщина предлагает режиссеру самостоятельно поработать в домашнем архиве писателя... Краснов предвкушает сенсацию и даже не догадывается, что ждет его в квартире, где умер Волков, и куда со дня его смерти не заходил ни один посторонний человек..."

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191843-9

© Еремеева С., 2024
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

Я не люблю, когда мне врут.
Но от правды я тоже устал.

Виктор Цой

Что-то неизвестное делает нечто,
чего мы не знаем.

Артур Эддингтон

1

Вот уже почти год, как режиссер-документалист Николай Краснов работал над фильмом о жизни и творчестве знаменитого ленинградского писателя Вениамина Волкова. Николай всякий раз подходил к съемкам обстоятельно, пытаясь не упустить ни малейшей детали. При этом он старался не переходить установленные границы. По заданию телекомпании он создавал именно те образы известных людей, к которым привык зритель. Как обычно, он подробно изучил материалы, в данном случае десять романов, четыре сборника рассказов, два сборника статей, переписку с друзьями и родственниками. Он ознакомился и со всеми широко известными фактами биографии Волкова, исследовал видеоматериалы, сохранившиеся в архиве Союза писателей, Союза журналистов и на телевидении.

Это был пятый фильм, который Краснов снимал о писателях конца советской эпохи, тех, кого было принято называть «предвестниками падения СССР». За три из четырех предыдущих фильмов

Краснов получил наивысшие из всех возможных телевизионных наград. Но на сей раз все шло как-то не так, как раньше. Не так гладко. Все усложнялось и запутывалось по мере того, как Николай знакомился с новыми героями своего фильма и брал очередное интервью. Перед Красновым один за другим появлялись лица писателей, драматургов, журналистов, художников, с которыми был знаком писатель, родственники и друзья. И чем больше он общался со всеми этими людьми, тем отчетливее осознавал, что образ Волкова, который описывали одни его знакомые, никак не сходился с той личиной, суть которой пытались передать другие.

Ни с одним из его прежних героев ничего подобного не происходило. Обычно официальная версия практически совпадала с неофициальной. Здесь же создавалось впечатление, что у Волкова, по крайней мере, было два лица, резко отличавшиеся одно от другого. Первое — культовый писатель, принципиальный и честный, которого любили миллионы, особенно молодежь. Второе — зыбкий портрет непорядочного человека, способного оболгать своего оппонента, написать на него донос, испортить ему судьбу. Но на чем основывался образ этого второго Волкова? Откуда взялся этот его отрицательный лик, о котором в основном поговаривали полусшепотом в среде писателей и деятелей культуры, Николай пока так и не смог понять.

К концу второго полугодия съемок фильма о Волкове Краснов стал чувствовать, что проваливается в этот новый материал, как в непроходимую топь. Отовсюду — из писем, интервью, видеоматериалов — сквозила какая-то неопределенность. Образ писателя

Волкова напоминал зыбкие картинки детского калейдоскопа. Едва сложившись в целостный узор, он тут же распадался на микроны, чтобы вновь застыть в замысловатом рисунке — совсем другого цвета, формы, плотности или прозрачности.

Вениамин Волков стал знаменитым во второй половине 1980-х годов, после того как опубликовал роман, посвященный артисту балета, выбросившемуся из окна своей квартиры вследствие целой череды неприятностей и психологических переживаний. Целью писателя стало вовсе не расследование событий, предшествующих и спровоцировавших самоубийство, а изучение сложного внутреннего мира молодого артиста, чье отчаяние достигло такого предела, что заставило свести счеты с жизнью. Волков разложил на молекулы все его переживания, ожидания, мечты. Он проследил за его короткой жизнью — шаг за шагом — от роддома до последнего прыжка из открытого окна в темноту ночи. В конце концов, ему вроде бы удалось докопаться до сути, но выводы, к которым пришел писатель, были неутешительны для всех, кто брал в руки его роман.

Волков заключал, что поступок артиста был вовсе не самоубийством, а самым настоящим убийством, а убийцами были те люди, которые вольно или невольно, постепенно, день за днем, подталкивали танцора к этому шагу — от акушера, принимавшего роды у его матери (причинившего младенцу травму, из-за которой впоследствии ребенок пережил множество операций), до того из друзей, с кем танцор последним говорил по телефону перед самоубийством. Более того, ядовитые нити последствий тех невидимых преступлений, совершенных сотнями

мелких безликих убийц, тянулись так далеко и глубоко, что прорывались сквозь страницы книги и впивались прямо в руки, глаза, рты ошеломленного читателя. Каждый без исключения начинал невольно осознавать свою причастность к гибели артиста. И у многих подобное ощущение вызывало неистовое негодование. На Волкова со всех сторон посыпался град критики и всевозможных обвинений. Тем не менее, возможно, именно благодаря этому всеобщему возмущению и желанию каждого лично ознакомиться с текстом романа книга стала бестселлером и получила сразу несколько серьезных литературных премий.

Ведь до «Прыжка в темноту» (так называлось это нашумевшее когда-то произведение) Волков, который работал в 1970–1980-х годах журналистом, слыл достаточно средним литератором, каких были тысячи. В своих очерках и рассказах он, как и многие творцы советской эпохи, живописал о тяжелых буднях рабочего класса, о директорах заводов, нелегком, но почетном труде учителей и врачей. И все это не имело ни малейшего успеха. Все это было написано кем-то другим, одним из... вовсе не Вениамином Волковым, каким его помнило большинство читателей уже после 1986 года.

Роман же об артисте балета стал настоящей сенсацией. Писатель словно переродился, стал другим. Или попросту пришло его время. Он поднял множество животрепещущих тем, волновавших общество времен перестройки и гласности. Но самое главное — он наметил в этом романе сверхзадачу всех своих последующих произведений: изучение психологии и обстоятельств жизни людей, переступивших черту, совершивших преступление

или попавших в исключительные жизненные обстоятельства.

Но взгляд Волкова на проблемы вступивших в конфликт с законом и обществом неблагополучных граждан отличался от точки зрения на эти явления многих других его коллег той поры, подходивших зачастую к данной, актуальной тогда теме с пафосом осуждения людей, нарушивших нормы общественного поведения. Обычно подобные произведения заканчивались следующим выводом: вот что творится с нашими людьми и нашей молодежью... или (уже ближе к 1990 году): вот до чего довели наш народ коммунистическая партия и советское правительство...

Волков же показывал асоциальных людей как своего рода индикаторы того, что происходило с человеком (в глобальном смысле этого слова) на сломе эпох... Его не интересовал исключительно советский человек. Его внимание привлекал новый человек как таковой. И не какой-то отдельный человек, а человеческое общество в целом, но рассматриваемое им не как безликая масса, а как плотная сеть взаимозависимых сингулярностей или индивидуальностей.

Волков неоднократно ссылался в своих произведениях на западные социологические исследования, обращался к примерам из американских и европейских документальных фильмов того времени: о преступности, наркомании, неустроенности молодежи, свободном хождении оружия. Он также приводил в пример результаты отечественных исследований, обращался к документальным фильмам Юриса Подниекса, Станислава Говорухина,

к расследованиям Александра Невзорова, к пьесам драматурга и журналиста Юрия Щекочихина, к сценариям Александра Баранова, к художественным фильмам Валерия Рыбарева, Карена Шахназарова, Сергея Соловьева, Рашида Нугманова. Апеллировал он также к видеоклипам Виктора Цоя, Бориса Гребенщикова, Сергея Курехина, короткометражным фильмам Юрия Юфита и его некрореализму.

Люди (общество в целом, в глобальном понимании этого слова), заключал Волков, постепенно черствели, становились злыми, агрессивными, нетерпимыми ко всему, что казалось им иным, другим, нелогичным. Одни из этих людей требовали абсолютного подчинения принятым нормам закона, другие же, наоборот, не менее остервенело требовали эти самые нормы не соблюдать — свергнуть, заменить на новые нормы, требовали свободы. Общество не просто находилось в состоянии внутренней диалектики, оно буквально взаимоуничтожалось изнутри.

Режиссер Краснов, занимаясь творчеством Волкова в середине 2010-х, прекрасно осознавал, что именно в те далекие годы пытался понять писатель, о чем пытался предупредить. Он говорил о том времени, в котором уже жил Краснов, и о тех людях, которые его окружали. Волков предчувствовал наступление эры постчеловека, общества позднего постмодерна, эпохи перенаселенной, тесной планеты, где человек как единое целое задыхался как бы внутри самого себя. Он показывал людей, постепенно отрывавшихся как друг от друга, так и от старых ценностей (религии, старого института семьи, уважения к старшим, жизни по десяти заповедям — в общем, от всех этих старых банальностей) и медленно сраставшихся с миром,

в котором, как принято считать, больше нет Бога, в котором большой процент населения — атеисты или агностики, в котором нормой становилось проживание мужчины и женщины вне брака, в моду входил гомосексуализм, а технологии все интенсивнее вытесняли человека из разных сфер деятельности.

Наркоманы, представители субкультур, хулиганы, серийные убийцы — все эти деклассированные элементы были в те годы исключительной формой реакции на агрессивность всего общества в целом. Они были крайним отклонением от нормы, парадоксом, но не отделялись Волковым от всего остального общества. Они были болезнью общества — нарывом, опухолью, гангреной, от которой хотелось избавиться, но совершенно очевидно, что излечиться от подобных форм недуга было возможно лишь с непоправимыми потерями для всего организма в целом.

После «Прыжка в темноту» Волков писал о наркоманах, алкоголиках, проститутках, представителях субкультур. При этом Волков описывал судьбы в основном реально существующих людей. Параллельно с описанием достоверных фактов их судеб старался воспроизводить (насколько это было возможно) картины внутренней жизни этих людей — их переживаний, сомнений, фантазий, сновидений.

Он ездил в психиатрические больницы, исправительные заведения, тюрьмы, женские колонии, колонии для несовершеннолетних. По возможности общался либо со своими потенциальными героями, либо с теми, кто за ними надзирал. Он старался доказать, что большая часть вины за преступления или страшные проступки этих людей лежала на плечах всего общества в целом. Сами люди были виноваты

в том, что эти преступники, наркоманы, извращенцы стали такими. Только нетерпимость, разъедающая кислота ненависти со стороны социума (включая семью, школу, вузы, работу), породила страшного монстра, в которого превращался человек со слабым характером или пошатнувшейся психикой.

Многие критики Волкова не понимали и не принимали его философии, его нового, чересчур откровенного взгляда на современного человека, набрасывались на него с обвинениями в человеконенавистничестве. А кто-то говорил и о том, что все, о чем писал Волков, было банальным, заезженным, устаревшим. Мол, о том, что все общество в целом ответственно за отдельного человека, говорили еще со времен Достоевского и Толстого. И нечего было открывать Америку. Волков же настаивал, отвечая на критику, что подобного сдвига, подобных изменений в глобальном человеческом обществе еще не было за всю его современную историю. И дело было вовсе не в ответственности всего человечества за одного человека. И никого он не обвинял, а лишь констатировал факты. При этом он нередко добавлял, что пришел к этим выводам исходя из собственного опыта. Он сам, мол, был одновременно и убийцей, и потенциальной жертвой многочисленных убийц. Николай поначалу воспринимал эти его слова как метафору, но позднее появился повод усомниться в данной интерпретации его откровений.

Самым последним и самым скандальным из трудов Волкова стал роман «Семь сувениров». В нем писатель изучал внутренний мир маньяка, жертвами которого стали один мужчина, один ребенок и пять женщин. Спустя полгода после выхода романа

(в 1998 году) Вениамин Волков скоропостижно скончался в Ленинграде от сердечного приступа в возрасте 58 лет.

2

Сам Николай Краснов родился в Ленинграде в 1972 году. Вот уже более двадцати лет он работал на Санкт-Петербургском телевидении, куда пришел сразу по окончании журфака ЛГУ (переименованного к завершению обучения Николая в СПбГУ) и стал помощником своего отца, Виктора Краснова, ведущего выпусков новостей. Карьера Николая на телевидении сложилась намного успешнее, чем у отца. Николай был ведущим нескольких передач, ориентированных на обсуждение вопросов культуры и литературы. Также он снимал фильмы о знаменитых людях Ленинграда и Санкт-Петербурга. Особый интерес он всегда испытывал к художникам, писателям, журналистам, сценаристам, режиссерам последнего десятилетия существования СССР. Его привлекали литература, драматургия, фильмы, спектакли, телепередачи, в которых поднимался вопрос о переменах, происходивших в мировосприятии и психологии человека на сломе эпох.

Человек (глобальный человек) жил в 1980–1990-е годы в ожидании нового тысячелетия, обещавшего какие-то головокружительные перемены. А советский человек, сам еще того не зная, стоял на пороге новой жизни, где, как во сне или, наоборот, после пробуждения от долгого сна, должны были кануть в Лету Коммунистическая партия и заветы Ильича,